Т. А. Евреиновъ.

Предѣлы здраваго русскаго національизма.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1912.

Н 37

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
227
30

Вопросъ о русскомъ національнизмѣ я разбиралъ въ печати дважды: въ февральской книжкѣ журнала „Вѣстникъ Европы“ за 1904 годъ въ статьѣ „Самобытность или отсталость“ и въ книгѣ „Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи“ въ 1908 г. Я возвращаюсь къ нему здѣсь въ виду того значенія, которое русскій національнизмъ получилъ у насъ теперь въ условіяхъ до извѣстной степени уже укоренившагося въ Россіи конституціоннаго строя.

І. Е.

I.

Въ основѣ національнизма лежитъ, такъ-же какъ и въ патріотизмѣ, культъ отечества. Понятія эти, однако, не тожественны. Патріотъ не закрываетъ глазъ на недостатки и несовершенства своего отечества, онъ ими скорбитъ и страстно желаетъ ихъ устраненія,—крайній націоналистъ ихъ лицемѣрно отрицаетъ; онъ способенъ доводить свои предубѣжденія до жестокаго преслѣдованія противниковъ, тогда какъ патріотъ, патріотъ сознательный и просвѣщенный, ставитъ терпимость въ основу своего политическаго міросозерцанія.

Національная идея, въ условіяхъ просвѣщеннаго и терпимаго патріотизма, стала, начиная со второй половины прошлаго столѣтія, силой, обнаружившей наибольшее вліяніе на историческія судьбы Европы: она вызвала объединеніе Италіи, Германіи, освобожденіе большей части южныхъ славянъ изъ подъ власти турокъ и образованіе самостоятельныхъ государствъ Сербіи, Болгаріи и Румыніи. Теперь, въ этомъ-же направленіи, для политическаго объединенія съ подневольными родичами побѣдоносно ополчились на Турцію пользующіеся независимостью болгары, сербы и греки.

Обращаясь къ русскому національнизму за время предшествовавшее освободительному движенію 1904—1906 годовъ, надо отмѣтить, что отвлеченныя политическія построенія составляютъ отличительную черту всякаго общества, отрѣшеннаго отъ практической политики,—и идея самобытности, въ широкой постановкѣ русскихъ націоналистовъ, могла

появиться и возрасти только на безграничномъ просторѣ отвлеченной политической теоріи. Въ дѣйствительности національной самобытности полагаютъ предѣлы опредѣлительные и непреклонные законы поступательнаго развитія человѣческихъ обществъ, — и эта однородность замѣчается у всѣхъ жизнеспособныхъ народовъ и во всѣ времена ихъ послѣдовательнаго государственнаго, общественнаго и экономическаго развитія. Это вполнѣ подтверждаетъ исторія Епропы въ эпоху Возрожденія и ея новѣйшая исторія, а также историческія судьбы европейскихъ народовъ создавшихъ самостоятельныя государства въ Америкѣ, сѣверной и южной. Все полезное въ современной европейской культурѣ усвоила себѣ въ послѣднее время Японія на живительной основѣ равноправія и народовластія и тѣмъ удесятерила свою національную и государственную мощь. На нашихъ глазахъ, наконецъ, разрѣшается теперь въ Китаѣ жизненная для него задача: способно-ли это величайшее въ мірѣ государство согласовать свою вѣковую самобытную національную культуру съ обязательными теперь для самостоятельнаго существованія всякой независимой страны условіями государственнаго и общественнаго быта.

При послѣдовательномъ ростѣ европейской культуры на христіанской основѣ, въ прошломъ XIX вѣкѣ нашей эры вполнѣ опредѣлились этически совершенныя и практически полезныя условія государственнаго общежитія, полагающія просвѣщенному націонализму извѣстные предѣлы подобно тому, какъ для отдѣльныхъ общественныхъ круговъ существуютъ, безъ различія національностей, для всѣхъ одинаковыя правила благовоспитанности.

Въ виду специфическихъ свойствъ современнаго русскаго націонализма,—его отношенія къ власти, равноправію и церкви,—надо отмѣтить, что нынѣ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ за предѣлами ихъ національныхъ

особенностей лежатъ, какъ общее достояніе христіанской культуры: народоправство въ законодательствѣ страны,—равноправіе всѣхъ гражданъ государства,—и вѣротерпимость при отдѣленіи церкви отъ государства.

Патологическій, извращенный патріотизмъ нашихъ современныхъ крайнихъ правыхъ націоналистовъ понятенъ,—онъ есть прямое послѣдствіе всесторонней отсталости Россіи отъ другихъ государствъ христіанской культуры, положившей наиболѣе глубокую грань за время продолжительнаго царствованія Николая I,—но какъ согласовать ученіе славянофиловъ, благородныхъ и просвѣщенныхъ русскихъ патріотовъ прошлаго столѣтія, съ внѣнаціональнымъ значеніемъ конституціонализма?

Константинъ Аксаковъ въ запискѣ, поданной императору Александру II въ 1855 году, такъ объяснялъ отличіе русскаго самодержавія отъ западнаго абсолютизма. Различіе это обусловливалось въ ней гармоническимъ у насъ сочетаніемъ государства и земли, причемъ правительству должна принадлежать неограниченная власть государственная; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа. Правительству — право дѣйствія и слѣдовательно законы; народу право мнѣнія и, слѣдовательно, «слова». Отсюда—«полная свобода слова устнаго, печатнаго—всегда и постоянно; и земскій соборъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣніе страны». (Дополненіе къ запискѣ К. А. 1855 г.) Впослѣдствіи мѣстное земское самоуправленіе и регулярное земское совѣщательное представительство по дѣламъ законодательнымъ вошли въ объемъ правъ земли «уравновѣшивающихъ неограниченныя государственныя полномочія правительства».

Теперь для всѣхъ ясно, что умѣренность требованій славянофиловъ относительно участія народнаго представительства въ законодательствѣ, также какъ и въ проектахъ по этому предмету либераловъ того времени,—Кавелина, Ве-

ликаго Князя Константина Николаевича, Графа Лорисъ-Меликова,—вызывалась не принципіальными соображеніями, а безнадежностью болѣе законченныхъ въ этомъ направленіи реформъ. Для такого компромиса существовали въ то время причины полныя реальнаго значенія: когда славянофилы дошли въ своихъ мечтахъ до постояннаго, хотя и совѣщательнаго участія народнаго представительства въ законодательвой сферѣ, славянскій комитетъ въ Москвѣ былъ, по повелѣнію Александра II, царя преобразователя, немедленно закрытъ.

Въ этихъ условіяхъ, національная гордость и горячій патріотизмъ славянофиловъ побуждали ихъ искать оправданія нашей отсталости въ племенныхъ особенностяхъ и историческихъ судьбахъ Россіи. Данилевскій, въ книгѣ «Россія и Европа», изданной въ 1869 году, писалъ: «Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой».

Несчастная война съ Японіей обезславила чиновное правительство ее безумно вызвавшее; она создала настроеніе благопріятное ограниченію верховнаго бюрократическаго всевластія, — и вызвала освободительное движеніе, которому Россія обязана существующимъ конституціоннымъ строемъ ея законодательныхъ учрежденій.

Излишества освободительнаго движенія, неизбѣжные спутники всякой революціи, особенно въ нынѣшнія времена, когда соціализмъ является неустранимымъ ферментомъ революціоннаго броженія,—вызвали реакцію въ противоположнымъ направленіи.

Быстрая расправа съ бунтарями революціоннаго соціализма была въ порядкѣ вещей, но вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ у насъ безконечно длящійся произволъ полиціи по «правиламъ охраны» при отсутствіи какихъ-либо препятствій для правильнаго отправленія регулярнаго правосудія. Произволъ этотъ совершенно безсиленъ въ борьбѣ съ ре-

волюціоннымъ соціализмомъ, онъ даже создаетъ ему новыхъ адептовъ,—но въ обыденной жизни сводитъ на нѣтъ всѣ дарованныя русскому народу высочайшею властью и вполнѣ совмѣстимыя съ порядкомъ элементарныя свободы современнаго государственнаго и общественнаго быта просвѣщенныхъ народовъ.

Благодаря этому подняли голову крайнія правыя чиновно-дворянскія организаціи, такъ называемые монархическіе союзы,—союзъ русскаго народа, русское собраніе, союзъ архангела Михаила,—не признающія никакого ограниченія царскаго самодержавія вопреки высочайшей воли, выраженной въ манифестѣ 17 октября 1905 года, и монаршаго соизволенія на исключеніе изъ основного закона Имперіи опредѣляющаго прерогативы монарха,—термина «неограниченный».

Эти тлетворные элементы русской общественной среды, образуютъ меньшинство въ составѣ народнаго представительства въ Государственной Думѣ и, очевидно, не выражаютъ мнѣнія правительства, судя по тому, что отвѣтственные его представители, въ министерство покойнаго Столыпина, вступали съ ними въ нашей верхней законодательной палатѣ въ открытую борьбу, а настоящій глава правящей власти, въ прочитанной въ Государственной Думѣ деклараціи, торжественно заявилъ о вѣрности правительства конституціи въ предѣлахъ, высочайше указанныхъ въ знаменательный для Россіи день 17 октября 1905 года.

Это не доказываетъ, однако, и того, чтобы политика правительства выражала у насъ настроеніе большинства наиболѣе просвѣщенныхъ и политически уравновѣшенныхъ элементовъ населенія, уже успѣвшихъ освободиться отъ послѣдствій реакціи, вызванной излишествами революціоннаго движенія. Доказательствомъ противнаго могутъ служить кромѣ сохраненія на неопредѣленное время неограниченнаго произвола исполнительной власти по пра-

виламъ охраны, и послѣдніе выборы въ Государственную Думу, которые, относительно «правоты» большинства избранныхъ не оправдали вожделѣній тѣхъ представителей правящей власти, которые могли оказывать давленіе на выборы въ извѣстномъ направленіи. Все это и многое другое свидѣтельствуетъ объ отсутствіи солидарности въ нашей правящей средѣ.

Практика представительнаго режима съ каждымъ днемъ увеличиваетъ у насъ кадры конституціоналистовъ и въ послѣднее время къ нимъ примкнула партія, занимавшая, подъ флагомъ націонализма, мѣсто между октябристами и правыми реакціонерами. Послѣдніе,—вопреки очевидности, отвергающіе всякое ограниченіе монархическаго самодержавія или не желающіе съ нимъ считаться,—находятся въ значительномъ меньшинствѣ, какъ въ общественныхъ кругахъ, такъ и въ Государственной Думѣ.

Россія не имѣетъ парламентарнаго управленія, то есть обязательнаго избранія высшихъ представителей исполнительной власти изъ среды большинства низшей законодательной палаты, но придавать этому особое значеніе можно только съ точки зрѣнія книжнаго парламентаризма.

На родинѣ современнаго парламентаризма,—въ Англіи,—законы до сихъ поръ издаются въ формѣ королевскихъ повелѣній. Германскій императоръ и король прусскій правитъ по божественному праву и на всей своей волѣ, нуждаясь въ согласіи народнаго представительства, какъ и у насъ, только для изданія новыхъ законовъ и обложенія населенія еще не существующими налогами. Прерогативы въ области управленія не существенны потому, что трудно себѣ представить, чтобы при конституціонномъ режимѣ могло долго удержаться у власти правительство, лишенное возможности получить согласіе низшей законодательной палаты на всякій законъ, имѣющій сколько нибудь принципіальное значеніе. Согласованность политической про-

граммы правительства и выборной законодательной палаты, внѣ формальнаго парламентаризма, достаточно обезпечена и правомъ послѣдней отказать министерству въ новыхъ кредитахъ на государственныя нужды.

Все это приводитъ къ заключенію, что конституціонный строй укрѣпился на русской національной почвѣ въ мѣрѣ, достаточной для того, чтобы признать, что въ Россіи, какъ и во всѣхъ другихъ культурныхъ странахъ, народоправство въ области законодательства стоитъ за предѣлами національныхъ особенностей русскаго народа.

II.

За предѣлами здраваго національнзма, какъ общее достояніе всего культурнаго человѣчества, находится и равноправіе всѣхъ гражданъ государства, безъ различія ихъ сословнаго и національнаго происхожденія.

Народы западной Европы, пережившіе сословное неравенство въ рѣзкой формѣ феодализма, усвоили въ разное время, но всѣ безъ исключенія, независимое отъ сословнаго происхожденія равноправіе всѣхъ гражданъ государства какъ основной устой ихъ государственнаго строя. Процессъ этотъ въ Англіи завершился въ прошломъ году изданіемъ, съ согласія короля и большинства членовъ обѣихъ законодательныхъ палатъ, закона, лишающаго палату лордовъ какого-либо реальнаго значенія: всякій законъ, принятый палатой общинъ и отвергнутый верхней палатой, вступаетъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, въ силу и безъ согласія большинства лордовъ. Да и до этого закона сопротивленіе лордовъ политикѣ демократическихъ элементовъ народнаго представительства имѣло только академическое значеніе при существовавшей для стоявшаго у власти правительства возможности возводить въ званіе лордовъ людей требуемой политической окраски въ произвольномъ числѣ.

Русскій народъ, какъ и всѣ славяне, по самой природѣ своей,—народъ демократическій. Изъ славянскихъ народовъ исключеніе въ этомъ отношеніи составляли поляки, усвоившіе себѣ, въ извѣстной мѣрѣ, феодальные порядки своихъ западныхъ сосѣдей и хотя при многочисленности

шляхты, ихъ аристократизмъ былъ довольно демократическаго свойства,—судьба Польши можетъ служить предостереженіемъ для всякаго народа, устраивающаго свой бытъ, не считаясь со своими прирожденными свойствами.

Правда, и наши великіе западники,—Петръ и Екатерина,—дѣлали попытки къ насажденію въ Россіи западныхъ сословныхъ порядковъ,—но каждому овощу свое время.

Петръ Великій учредилъ табель о рангахъ, прародительницу современнаго дворянства, чтобы ослабить значеніе враждебнаго ему верхняго слоя тогдашнихъ служилыхъ людей. Для осуществленія основныхъ цѣлей его преобразовательной политики это было также необходимо, какъ и взять во временное опекунское управленіе православную церковь.

Великая Екатерина воспользовалась табелью о рангахъ для созданія въ Россіи привилегированнаго сословнаго строя, однороднаго тому, который—въ то время—существовалъ во всей Западной Европѣ.

Теперь эти сословные порядки, отжившіе свой вѣкъ тамъ откуда они были заимствованы, не только противорѣчатъ основной цѣли, которую преслѣдовали Петръ и Екатерина, но, какъ все отжившее, препятствуютъ здоровому росту общественныхъ силъ Россіи.

Что привилегированное значеніе дворянства отжило свое время, станетъ еще яснѣе, если отъ реформъ Петра I и Екатерины II обратиться къ его значенію въ до-петровское время. Дворяне были люди, принадлежавшіе ко двору, къ дому княжескому и вплоть до реформы служилаго класса при Петрѣ I, названіе дворянина было присвоено одному изъ низшихъ чиновъ служебной іерархіи. Дворъ и дворяне имѣлись у патріарховъ и у намѣстниковъ.

На Западѣ значеніе дворянства, его прерогативы и обязанности зависѣли исключительно отъ правъ его на землю.

Земля и отношеніе къ ней составляли самую сущность феодальной системы. Совсѣмъ иное видимъ мы въ Россіи. Сѣверныя племена славянъ, жившія въ предѣлахъ настоящаго русскаго государства, вывели себѣ князей изъ-за моря, а съ князьями этими пришла и ихъ дружина. Въ эту дружину былъ открытъ доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ, но преимущественно, конечно, изъ туземцевъ. Князь призванъ, чтобы установить въ землѣ порядокъ, нарядъ,— а дружина набиралась изъ туземцевъ и пришельцевъ не для того, чтобы дѣлить земли, а для того, чтобы служить князю. Западный аристократизмъ былъ совершенно чуждъ русскому служилому классу: по судебнику Ивана Грознаго не велѣно было принимать въ холопы дѣтей боярскихъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ, и только въ 1641 году было указано впередъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ холопы не принимать.

Этому прирожденному русскому народу славянскому демократизму остался вѣренъ и Петръ Великій, собирая разрозненные общественные элементы русскаго народа въ профессіональныя группы по иноземнымъ образцамъ (служилое «шляхетство», торговыя «гильдіи» и ремесленные «цумпфты»). Петръ нетолько широко распахнулъ двери въ служилый классъ, но даже самыхъ приближенныхъ къ себѣ людей бралъ, сообразуясь исключительно съ ихъ служебной годностью: князь Меньшиковъ, его правая рука,—пирожникъ; баронъ Шафировъ—еврей; графъ Ягужинскій—сынъ пастора лютеранской церкви; графъ Девьеръ—португалецъ, слуга на купеческомъ кораблѣ; Никита Демидовъ—тульскій крестьянинъ, отклонившій предложенное ему царемъ пожалованіе дворянскаго званія.

Впослѣдствіи къ россійскому потомственному дворянству пріобщались всевозможные инородцы безъ достаточнаго выясненія тѣхъ сословныхъ ихъ отличій, которыя приравнивались дворянскому званію. Такъ, напримѣръ, въ

1795 году возникло дѣло объ удобнѣйшихъ средствахъ къ доставленію пропитанія тѣмъ изъ татаръ, которые, бывъ признаны въ дворянскомъ достоинствѣ, лишились общественной земли, а послѣ освобожденія крестьянъ пришлось разрѣшать вопросъ о землеустройствѣ цѣлыхъ деревень. населенныхъ земледѣльцами дворянскаго званія.

Облегченный доступъ и инородческія присоединенія имѣли своимъ послѣдствіемъ, что составъ русскаго дворянства достигъ громаднаго размѣра по своей численности и отличается полнымъ отсутствіемъ однородности. У насъ болѣе милліона душъ дворянъ обоего пола, тогда какъ во Франціи, наканунѣ революціи, считалось около 25.000 дворянскихъ семей [1]).

Въ концѣ XVI вѣка послѣдовало воспрещеніе крестьянамъ переходить отъ одного помѣщика къ другому. Мѣра эта, вызванная соображеніями служебными, желаніемъ увеличить составъ войска, вызвала постепенно порабощеніе прежде свободнаго и полноправнаго сельскаго населенія, служилому классу, лежавшее на которомъ ярмо государственной службы обратилось въ сословную привилегію.

Теперь и крѣпостное право отошло въ область преданій и всѣ прежнія, установленныя грамотой 1785 года, дворянскія привиллегіи перестали существовать или сдѣлались общимъ достояніемъ.

Нужно-ли доказывать, что корпораціи купцовъ, промышленниковъ и городскихъ обывателей, занимающихся ремеслами, имѣютъ не сословный, а профессіональный характеръ?

Ничего сословнаго, въ кастовомъ значеніи этого слова, не представляетъ изъ себя и сельское крестьянское населеніе Россіи послѣ освободительной реформы 1861 года. Особенности соціальнаго и экономическаго строя русскихъ

---

[1]) H. Taine. L'ancien régime. p.p. 17 et 529.

крестьянъ объясняются исключительно тѣмъ, что крестьянская реформа осталась не завершенною въ томъ направленіи, которое дано было ей составителями Положеній 19 февраля 1861 года, по мысли которыхъ и самого Царя-освободителя конечной цѣлью освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было предоставленіе имъ одинаковаго съ лицами другихъ состояній полноправія.

Въ томъ, что полноправіе крестьянъ составляло конечную цѣль реформы, убѣждаютъ многочисленныя указанія въ журналахъ редакціонныхъ комиссій, а также посмертная записка Ростовцева. Начало равноправія крестьянъ съ людьми другихъ состояній совершенно послѣдовательно проведено было въ коренныхъ постановленіяхъ общаго положенія о крестьянахъ, распространившаго на крестьянъ дѣйствіе общихъ законовъ гражданскихъ относительно правъ семейственныхъ, личныхъ и по имуществу. Въ этомъ отношеніи допущены были нѣкоторыя временныя ограниченія исключительно въ интересахъ фискальныхъ. Даже надѣльною землей, по уплатѣ выкупной ссуды, предоставлено было крестьянамъ распоряжаться съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, даже общинное владѣніе на выкупленныхъ земляхъ становилось владѣніемъ общимъ въ смыслѣ опредѣленія законовъ гражданскихъ, съ правомъ каждаго участника требовать себѣ соотвѣтственной доли въ личную собственность безъ всякихъ ограниченій относительно продажи ее кому угодно [1]).

Крестьяне подчинены были общимъ губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ (ст. 19) и только на время приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ были учреждены соотвѣтственныя временныя учрежденія.

Въ области гражданскаго права, допустивъ продажу

---

[1]) Общее положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. ст. 12, 21, 22, 29, 31, 33—37.

крестьянами выкупленныхъ усадебъ и надѣловъ кому угодно (ст. 165 пол. о вык.) законъ тѣмъ самымъ предрѣшалъ безсословный характеръ сельскихъ обществъ.

Что касается волостей, то въ журналахъ редакціонныхъ комиссій прямо выражено, что обособленный характеръ имъ приданъ временно изъ опасенія, чтобы на первыхъ порахъ послѣ освобожденія крестьяне не подпали вліянію своихъ бывшихъ помѣщиковъ.

Только уступая необходимости и до преобразованія судебной части учрежденъ былъ волостной судъ съ ограниченной компетенціей для самыхъ маловажныхъ уголовныхъ проступковъ и для гражданскихъ исковъ не выше ста рублей.

Всѣ остальныя судебныя дѣла крестьянъ были отнесены къ юрисдикціи общихъ судовъ съ примѣненіемъ общихъ законовъ. Особымъ постановленіемъ крестьянамъ *дозволялось* руководствоваться обычаемъ въ дѣлахъ наслѣдственныхъ, что само по себѣ не вызываетъ необходимости спеціальнаго крестьянскаго суда, обязывая лишь судью, въ случаѣ ссылки сторонъ на обычай, удостовѣриться въ его существованіи.

Въ условіяхъ освобожденія крестьянъ въ Россіи нѣтъ рѣшительно ничего ни антинаціональнаго, ни специфически русскаго,—кромѣ его запозданія. Реформы Императора Александра II запоздали на цѣлое столѣтіе или, по крайней мѣрѣ, на все время царствованія Николая I. Жертвой этого запозданія, а также незавершенія реформы сталъ Царь-Освободитель.

Злодѣяніе 1-го марта 1881 года окрылило всѣ крѣпостническіе, отсталые элементы русской общественной среды и въ Россіи, подъ флагомъ націонализма, возобладала чиновно-дворянская тенденція. Люди этого направленія проповѣдуютъ, что вѣрность историческимъ традиціямъ и благо Россіи требуютъ реставраціи въ возможной

чистотѣ и неприкосновонности порядковъ сословно-полицейскаго строя, заимствованныхъ нами у Европы XVIII вѣка.

Въ основу этой политики положены были: усиленіе правительственной власти, т. е. чиновничьяго произвола за счетъ законности и самоуправленія и кастовая обособленность сословій, соединенная съ возстановленіемъ дворянскихъ привилегій и съ замѣной для крестьянъ общаго гражданскаго порядка чиновной опекой.

Сословная сторона этой политической программы нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ памфлетѣ дотолѣ безвѣстнаго дворянина А. Пазухина: «Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ». Замыслы людей этого направленія были весьма широкіе. Сословной тенденціи, отвлеченной и безпочвенной, имѣлось въ виду принести въ жертву всѣ пріобрѣтенія, которыя Россія сдѣлала въ царствованіе Александра II.

Съ самымъ фактомъ отмѣны крѣпостнаго права они по необходимости мирились, тѣмъ болѣе что къ старымъ служилымъ правамъ дворянства они присоединяли привилегію выставлять «изъ своей среды» лицъ «для управленія крестьянскимъ сословіемъ», и признавалось, что освобожденіе крестьянъ не порываетъ между дворянствомъ и крестьянами той связи, которая вызывается «потребностью для массы крестьянскаго населенія въ ближайшемъ руководствѣ и защитѣ, потребностью, которая не могла быть удовлетворена властью безъ посредства помѣстнаго дворянства».

Что касается до послѣдующихъ за крестьянскою реформъ, то онѣ подверглись безпощадному осужденію, и все новое, что они внесли въ строй русской жизни, признавалось подлежащимъ тщательному искорененію.

Земская и городская реформа признавались самыми важными въ смыслѣ разрушенія историческаго строя нашей жизни. «Онѣ, яко-бы, оказали сильное разлагающее вліяніе на

общественный бытъ и быстро расшатали порядокъ, державшійся на крѣпкой связи сословныхъ корпорацій съ Верховной Властью».

Что касается судебной реформы, то ей «суждено было закрѣпить новый порядокъ вещей, взявъ дезорганизованную Россію подъ свою защиту... Поставленная въ положеніе независимое и самостоятельное, вооруженная правомъ карать и миловать, судебная корпорація имѣла полную возможность вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ и это вліяніе сказывалось поощреніемъ самыхъ безобразныхъ явленій новаго строя жизни и безпощаднымъ бичеваніемъ всего, что носило слѣды дореформенной эпохи... Въ борьбѣ сословнаго начала съ безсословнымъ, порядка съ анархіей и власти съ своеволіемъ новые суды заняли положеніе воюющей стороны и открыто стали въ опозицію къ власти, къ порядку и сословному принципу». Такой крамольный характеръ новыхъ судебныхъ учрежденій объяснялся тѣмъ, «что дворянство было отстранено отъ участія въ мѣстномъ судѣ». Хотя составъ судебно-мирового института и признавался состоящимъ въ большей своей части изъ представителей помѣстнаго дворянства, но онъ былъ въ зависимости отъ безсословнаго земства, а потому не трудно было предвидѣть, «до какого нравственнаго паденія дойдетъ мировой институтъ при полномъ торжествѣ безсословнаго начала».

Во всемъ политическомъ памфлетѣ А. Пазухина, отъ первой его строки и до послѣдней, нѣтъ даже намека на какія-либо національныя особенности русскаго народа, зависящія отъ его историческихъ судебъ и славянскаго происхожденія, и онъ всецѣло представляетъ изъ себя апологію непрививишихся у насъ государственныхъ, общественныхъ и сословныхъ порядковъ, всецѣло заимствованныхъ нами въ свое время у Западной Европы, гдѣ они уже давно отошли въ область преданій.

Эта основная тенденція, въ которой сказался атавизмъ крѣпостничества,—въ связи съ господствомъ полицейскаго начала въ управленіи и чиновничьей организаціей законодательныхъ учрежденій,—встрѣтила у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого не только сочувствіе, но готовность приступить, въ угоду ей, къ радикальной ломкѣ учрежденій, обязанныхъ своимъ существованіемъ реформамъ Александра II.

По счастью проекты преобразованія мѣстныхъ учрежденій на сословномъ началѣ получили законодательную санкцію когда ни графа Толстого, ни его ближайшаго сотрудника Пазухина уже не было въ живыхъ. Это дало возможность въ нѣкоторой степени сгладить крайности ихъ предположеній какъ въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, такъ и при разсмотрѣніи ихъ въ государственномъ совѣтѣ.

Тѣмъ не менѣе изданные на этихъ основахъ законы значительно усилили въ нашей, по самой своей природѣ демократической странѣ обособленность сословій вообще и въ особенности всего ея крестьянскаго населенія. Между безправнымъ и подопечнымъ большинствомъ сельскихъ обывателей и ничтожнымъ меньшинствомъ привиллегированныхъ классовъ, живущихъ по общему праву, прошла цѣлая пропасть,—тогда какъ жизненные интересы нашего отечества требуютъ прежде всего устраненія тѣхъ условій, которыя обращаютъ все сельское населеніе нашей земледѣльческой страны въ обособленную, нестройную и безправную массу.

Законы о крестьянахъ 1889 года, проникнутые духомъ крѣпостничества, преслѣдовали цѣль прямо противоположную освободительной реформѣ 1861 года,—они возстановили зависимость крестьянъ, въ силу ихъ сословнаго происхожденія, отъ помѣстнаго дворянства, которому въ лицѣ назначаемыхъ изъ потомственныхъ дворянъ земскихъ на-

чальниковъ предоставлено попечительство надъ крестьянскимъ населеніемъ.

Положеніе 1889 года устанавливаетъ далѣе для крестьянъ слѣдующее ограниченіе правъ, аналогичное съ существовавшимъ для крѣпостныхъ крестьянъ воспрещеніемъ приносить жалобы на помѣщиковъ.

Учредительные законы Имперіи ограничиваютъ произволъ исполнительной власти предоставляя каждому лицу или учрежденію право обжалованія Сенату всякаго распоряженія центральнаго правительства или губернскихъ властей, нарушающаго ихъ права на законѣ основанныя. Положеніе-же 12 іюня 1889 года, лишая крестьянъ этой существенной гарантіи правового порядка, объявило извѣстныя постановленія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, въ составъ которыхъ введены представители дворянскаго сословія, окончательными и подлежащими немедленному исполненію.

Наконецъ, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года, лишая крестьянъ принадлежавшаго имъ по положенію 1864 года равноправнаго съ другими сословіями представительства въ мѣстномъ управленіи, постановило, что гласные изъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ назначаются правительствомъ.

Отсюда видно, насколько узаконенія эти расширяютъ предѣлы соціальной и политической неполноправности крестьянъ противъ тѣхъ ограниченій, которыя въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 года имѣли только временной характеръ для первоначальныхъ фазисовъ реформы, которая своей конечной цѣлью ставила равноправіе крестьянъ съ людьми другихъ состояній. Наскоро приспособленныя для этой цѣли временныя учрежденія обратили въ постоянныя учрежденія управленія крестьянами.

Обособленіе крестьянскаго сословія завершается устройствомъ для него особой судебной части въ вѣдѣніи мини-

стерства внутреннихъ дѣлъ съ столь широкой подсудностью, что она объемлетъ почти весь правооборотъ сельскаго населенія. Въ административные органы крестьянскаго управленія, коимъ присвоена судебная власть надъ крестьянами, настоящіе судьи приглашаются въ ограниченномъ числѣ, въ качествѣ представителей посторонняго вѣдомства.

Впослѣдствіи дѣльцы министерства внутреннихъ дѣлъ додумались въ этомъ направленіи до такого абсурда, какъ сочиненіе для крестьянъ особыхъ кодексовъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ.

Эти сословныя правоограниченія распространяются сторонниками дворянскихъ привиллегій на основѣ безправія народныхъ массъ и на бывшихъ государственныхъ крестьянъ и вообще на «лицъ бывшихъ податныхъ сословій».

Эта ретроградная тенденція, послѣдъ крѣпостничества, кощунственно прикрывается, наиболѣе отсталыми элементами нашей общественной среды, русскимъ національнымъ флагомъ, тогда какъ все историческое прошлое сословнаго вопроса въ Россіи и настоящее его значеніе приводитъ къ тому безспорному заключенію, что въ Россіи теперь уже нѣтъ мѣста ни для сословныхъ привиллегій, ни для какихъ-либо ограниченій правъ по сословному происхожденію.

Вполнѣ безпочвенными оказываются поэтому и существующія выборныя сословныя дворянскія учрежденія, тѣмъ болѣе что лица, носящія дворянское—по терминологіи жалованной грамоты 1785 года,—«названіе», имѣютъ законную возможность объединиться въ союзы на основаніи общаго о союзахъ закона, чѣмъ извѣстная часть лицъ, носящихъ званіе дворянина, уже и воспользовалась учредивъ «союзъ объединеннаго всероссійскаго дворянства».

Сужденія эти вполнѣ относятся къ остальнымъ «сословіямъ» въ Россіи имѣющимъ исключительно профессіональное значеніе. Поэтому весь IX томъ Свода законовъ,

включая и особое къ нему о крестьянахъ приложеніе, утратили всякое право на самостоятельное существованіе, они могли бы быть отмѣнены и съ пользою замѣнены соотвѣтственными постановленіями законовъ гражданскихъ объ особенностяхъ крестьянскаго землевладѣнія и соотвѣтственными постановленіями объ обществахъ и союзахъ.

Единственная привиллегія, которую, — въ согласіи съ здравымъ смысломъ, нашими историческими преданіями и желательнымъ блескомъ царскаго двора,—слѣдовало бы за дворянами сохранить, это ихъ исключительное право на занятіе придворныхъ должностей. Для приданія-же придворнымъ званіямъ большаго значенія, безмѣрное теперь число лицъ, которымъ оно присвоено, надо-бы насколько возможно сократить. Существующая въ этой средѣ демократизація совсѣмъ не у мѣста.

Въ условіяхъ равноправія желательно было-бы поднять и почетное значеніе названія «дворянина», что возможно только при условіи сокращенія численности дворянъ путемъ упраздненія дворянства личнаго и чиновъ въ гражданской службѣ. Извращенная въ своемъ значеніи петровская табель о рангахъ плодить теперь крапивное сѣмя сословнаго чиновничества въ невѣроятныхъ размѣрахъ и принижаетъ этимъ общественное значеніе гражданъ, этого отличія лишенныхъ.

III.

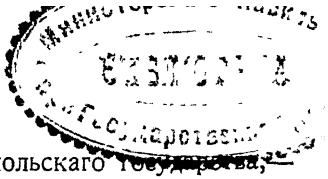
Равноправіе всѣхъ гражданъ нашего государства, кромѣ прирожденнаго демократизма русскаго народа, какъ народа славянскаго, обусловливается далѣе разноплеменностью населенія Россійской Имперіи, поглотившей на необозримомъ просторѣ материковъ Европы и Азіи въ сплошномъ отрубѣ, населеніе всевозможныхъ національностей.

Эта разноплеменность глубокихъ массъ населенія предрѣшаетъ, съ этической точки зрѣнія, его равноправіе: нужно, чтобы русскіе по происхожденію пользовались всей полнотой правъ въ инородческихъ областяхъ Имперіи, а инородцы стали полноправны въ этнографически русскихъ мѣстностяхъ.

Ассимиляція инородцевъ, въ этихъ условіяхъ, будетъ совершаться тѣмъ успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ болѣе государственные и общественные порядки въ Россіи будутъ соотвѣтствовать общепринятымъ во всѣхъ культурныхъ странахъ требованіямъ просвѣщеннаго государственнаго и общественнаго строя.

Въ условіяхъ равноправія всѣхъ гражданъ русскаго государства, какъ общаго основанія полезной національной политики, слѣдуетъ относиться и къ вопросу о степени независимости и широты самоуправленія, которая можетъ быть предоставлена вошедшимъ въ составъ Россійской Имперіи національно обособленнымъ окраинамъ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе Царство Польское,—племенная сердцевина прежде



независимаго и родственнаго намъ польскаго государства,— и Финляндія.

Вопросъ о предѣлахъ автономіи, которая, въ единеніи съ Россійской Имперіей, можетъ быть предоставлена *Царству Польскому* имѣетъ для насъ, прежде всего, важное значеніе въ сферѣ нашей международной политики. Въ этомъ легко убѣдиться изъ отношенія къ этому вопросу Австро-Венгріи нашего естественнаго, въ союзѣ съ Германіей, соперника въ существующемъ соревнованіи странъ и народовъ Европы: вражда поляковъ къ Россіи, при національномъ обособленіи малороссійской вѣтви русскаго народа,—это штандпунктъ австро-венгерской политики, а слѣдовательно и внѣшней политики союзной съ Австро-Венгріей Германіи. Съ другой стороны, какъ день ясно, что возвращеніе полякамъ, въ этнографическихъ предѣлахъ Царства Польскаго, національнаго политическаго бытія, содѣйствовало-бы установленію единомыслія и солидарности во всемъ славянскомъ мірѣ и упрочило-бы въ немъ руководящее положеніе Россіи всей силой нравственнаго авторитета.

Относясь къ польскому вопросу съ этической точки зрѣнія, нельзя не признать, что поляки правы домогаясь востановленія политически автономнаго національнаго существованія польскаго народа, разстерзаннаго между Россіей, Пруссіей и Австріей еще въ вѣкъ Екатерины, когда національное сознаніе народовъ было слабо развито.

Обладаніе Польшей для Россіи невыгодно, ни въ стратегическомъ, ни въ экономическомъ отношеніяхъ.

Выступающее положеніе Царства Польскаго имѣетъ, въ стратегическомъ отношеніи, то значеніе, что уже до начала кампаніи съ вѣроятными противниками мы оказываемся обойденными ими съ обоихъ фланговъ. Императоръ Николай I, послѣ возстанія 1830 года, имѣлъ даже поэтому въ виду совсѣмъ отказаться отъ обладанія Польшей.

Прямой ущербъ приноситъ теперь Россіи обладаніе

Царствомъ Польскимъ и въ экономическомъ отношеніи. Оно еще болѣе чѣмъ другія части Имперіи, пользуется усиленнымъ таможеннымъ покровительствомъ, причемъ высокій тарифъ вызвалъ образованіе въ Царствѣ Польскомъ крупныхъ нѣмецкихъ промышленныхъ предпріятій, которыя, работая въ условіяхъ почти однородныхъ съ существующими въ сосѣдней Пруссіи, обращаютъ въ барышъ сумму не уплачиваемаго ими таможеннаго обложенія. Для этой промышленности Россія, какъ страна экономически менѣе развитая, представляетъ обширный рынокъ и на большомъ пространствѣ коренной Россіи становятся невозможными не только развитіе мѣстной заводской и фабричной промышленности, но и самая конкуренція съ нѣмецкими и польскими русскихъ фабрикъ и заводовъ центральнаго раіона. Совершенно независимая Польша стала-бы такимъ средостѣніемъ между Германіей и Россіей, при которомъ всѣми выгодами въ указанномъ отношеніи воспользовались бы ближайшія къ Польшѣ русскія западныя губерніи.

Тѣмъ не менѣе отказъ отъ обладанія Царствомъ Польскимъ въ настоящее время нежелателенъ потому, что совсѣмъ независимая Польша могла бы подчиниться вліянію и даже подпасть подъ власть враждебныхъ намъ государствъ,— но самая элементарная справедливость и здраво понятые интересы Россіи и всего славянскаго міра требуютъ предоставленія Царству Польскому, въ его этнографическихъ предѣлахъ, самой широкой политической и національной автономіи.

Противъ такого отношенія Россіи къ полякамъ обыкновенно возражаютъ, что поляковъ никакая автономія не удовлетворитъ, что они стремятся къ возстановленію польскаго государства въ границахъ предшествовавшихъ первому раздѣлу Польши, «отъ моря до моря».

Поляки, правда, большіе романтики и, неспособные разобраться въ реальныхъ условіяхъ текущей политики, дѣй-

ствительно мечтаютъ вернуть имѣющему возродиться польскому государству Бѣлоруссію, Литву, Малороссію и чуть-ли не всю югозападную Русь и новороссійскій край.

Такая мечтательность поляковъ для мощной Россійской Имперіи довольно безразлична. Реальное и полезное для Россіи значеніе въ польскомъ вопросѣ можетъ имѣть только политика, имѣющая цѣлью обратить остріе польскаго націонализма въ сторону Австро-Венгріи и Пруссіи,— а это возможно только предоставленіемъ Царству Польскому въ составѣ нашей Имперіи, національной политической автономіи настолько широкой, чтобы каждый полякъ, прусскій и австрійскій, могъ считать себя въ Царствѣ Польскомъ какъ у себя дома. Тогда мечты поляковъ сами собою направятся въ сторону возсоединенія съ Царствомъ Польскимъ—Галиціи и Познани и такъ какъ обладаніе Царствомъ Польскимъ для Россіи вредно, то полякамъ можетъ быть вполнѣ добросовѣстно обѣщано и независимое государственное существованіе при благопріятныхъ тому для Россіи международныхъ соотношеніяхъ заинтересованныхъ въ польскомъ вопросѣ державъ.

Австрійскіе нѣмцы это отлично понимаютъ и давно въ этомъ направленіи ведутъ свою оборонительную политику, находя въ близорукой безпринципности и непослѣдовательности русскихъ дипломатовъ наиболѣе сильную себѣ поддержку.

Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за Турціей, Австро-Венгрія, какъ государство антинаціональное, рано или поздно, должно неизбѣжно распасться на свои составные національные элементы. Уже въ 1848 году Австрія распадалась, отъ нея отпадала Венгрія, но императоръ Николай I спасъ ее отъ этого естественнаго и полезнаго Россіи развала, проливая на поляхъ Венгріи кровь русскаго воинства во славу отвлеченнаго монархизма.

Убѣжденіе въ неизбѣжности распада Австро-Венгріи и

возможное въ условіяхъ даннаго времени ему содѣйствіе должно лежать въ основѣ русской національной политики. Что такова должна быть наша международная политика уже давно учитывается Австро-Венгріей и союзной съ нею Германіей,—съ этимъ естественнымъ призваніемъ Россіи, а не съ преходящей и чаще всего безсистемной политикой нашихъ дипломатовъ считаются эти враждебныя намъ страны.

Въ направленіи неизбѣжнаго распада Австро-Венгрія переживаетъ теперь критическій моментъ и минимумъ того, чего должна въ данныхъ условіяхъ настоящаго времени достигнуть Россія заключается въ обезпеченіи Сербіи и Черногоріи политической и экономической отъ Австріи независимости.

Послѣ развала Австро-Венгріи и стихійнаго государственнаго объединенія народовъ Европы по національностямъ, рѣшительно нельзя предвидѣть никакого повода для враждебныхъ между ними столкновеній и Европа могла-бы объединиться для отпора нарождающимся въ Азіи грознымъ силамъ.

Другую этнографически обособленную область европейской культуры въ составѣ русскаго государства представляетъ изъ себя Финляндія.

Среди приблизительно $2^1/_2$ милліоновъ кореннаго финскаго населенія, въ Финляндіи живетъ 350 тысячъ шведовъ, прежнихъ завоевателей края, — и 6 тысячъ русскихъ,— преимущественно въ южной части, присоединенной къ Россіи Петромъ Великимъ.

Отъ Царства Польскаго Финляндія, въ національномъ отношеніи, отличается тѣмъ, что со времени нахожденія народовъ Европы въ культурномъ состояніи и ихъ международнаго общенія Финляндія не была никогда независимымъ, самостоятельнымъ государствомъ, подпавъ подъ власть Швеціи въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Затѣмъ самый сеймъ и

органическіе законы 1772 и 1789 годовъ были ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ порабощенія страны финовъ Швеціи. Государственнымъ языкомъ былъ шведскій, а не финскій, на которомъ не разрѣшалось даже ничего печатать, кромѣ евангелія. Послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи основнымъ актомъ опредѣлившимъ положеніе ея въ составѣ нашей Имперіи служилъ Фридрихсгамскій трактатъ 1809 года, признавшій Финляндію состоящею «въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской».

Здѣсь я не буду повторять многочисленныхъ доводовъ приведенныхъ мною въ другомъ мѣстѣ [1]) въ подтвержденіе совершенно безспорнаго для меня положенія, что Финляндія не имѣетъ никакого права на отдѣльное «государственное» существованіе, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ въ моихъ глазахъ чисто академическое значеніе. Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить государственнаго существованія Финляндіи въ условіяхъ той «уніи», которая объединяетъ на договорномъ правѣ Австрію и Венгрію. Такой государственный распадъ нашей Имперіи не допустимъ въ особенности въ предѣлахъ нашихъ финляндскихъ владѣній, гдѣ сосредоточены у насъ государственные интересы такого высокаго значенія, что охрана ихъ не можетъ быть изъята изъ вѣдѣнія центральной имперской власти. Первые шаги въ направленіи этого распада, при содѣйствіи господствовавшей въ Россіи чиновной олигархіи, были сдѣланы въ царствованіе Александра II, и этотъ благодушный государь призналъ, что онъ былъ въ данномъ случаѣ обманутъ.

Съ другой стороны, Финляндія представляетъ изъ себя страну, этнографически вполнѣ отъ Россіи обособленную, съ почти сплошнымъ финскимъ населеніемъ. Финскій на-

---

[1]) „Національные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи". СПБ. 1908. Гл. VI, стр. 70—97.

родъ имѣетъ свой родной языхъ, литературу, публицистику. Долго удерживаемый шведами въ приниженномъ положеніи, финскій народъ завоевалъ себѣ, мало по малу, равноправіе съ своими поработителями, имѣетъ свою интеллигенцію, національное духовенство и успѣшно проникаетъ въ городскіе классы, причемъ къ его національности принадлежитъ большинство профессоровъ и студентовъ. Высочайшій манифестъ 22 октября 1905 года далъ ему возможность пріобрѣсти, соотвѣтствующее его относительной численности, преобладаніе въ мѣстномъ законодательномъ собраніи и въ управленіи родной страны.

Въ этихъ условіяхъ и предѣлахъ Финляндіи, какъ странѣ финновъ, должна-бы быть сохранена ея политическая и національная автономія въ полномъ объемѣ тѣхъ правъ, которыя совмѣстимы съ цѣлостью и единствомъ Россійской Имперіи. Что касается шведовъ и ихъ языка, то законы, имперскіе и мѣстные, должны-бы ихъ существованіе игнорировать,—полнотою правъ, политическихъ и гражданскихъ, совершенно назависимо отъ ихъ національнаго происхожденія, шведы могутъ пользоваться въ Финляндіи только въ качествѣ финляндцевъ инородческаго происхожденія.

При опредѣленіи границы имперской и мѣстной законодательной компетенціи по финляндскимъ дѣламъ, конституціонная Россія не можетъ, конечно, и не должна завершить начатое, при господствѣ абсолютизма, государственное отторженіе Финляндіи отъ Россіи въ условіяхъ монархической уніи, къ чему весьма умѣло и послѣдовательно вели дѣло финляндскіе шведы,—но соотношеніе силъ Финляндіи и Россіи, какъ великой міровой державы, обязываетъ насъ относиться къ нашимъ финскимъ согражданамъ справедливо и доброжелательно, а не въ духѣ злобнаго націонализма нашихъ правыхъ политическихъ организацій.

Укажу для примѣра на войско. Въ Финляндіи могутъ быть, разумѣется, только воинскія части, органически свя-

занныя съ русской арміей подчиненіемъ и всесторонней организаціей,—но польза государственная вовсе не требуетъ службы финскихъ войскъ внѣ границъ Финляндіи въ мирное время, за исключеніемъ маневровъ для практики дѣйствія крупными массами. Противуположная этому лженаціоналистическая политика привела къ такому, выгодному для финляндцевъ абсурду, какъ совершенное ихъ освобожденіе отъ натуральной воинской повинности за умѣренное денежное вознагражденіе.

Простой здравый смыслъ и насущные интересы Россіи требуютъ признанія имперскаго значенія за слѣдующими предметами, насколько они касаются Финляндіи: иностранная политика, войско, желѣзныя дороги, таможенное огражденіе, монетная система, русскій языкъ, права остальныхъ гражданъ русскаго государства въ Финляндіи. По каждому изъ этихъ предметовъ и должны-бы быть разъ навсегда, основнымъ закономъ Имперіи разграничены предѣлы имперской и мѣстной финляндской компетенціи. За этими предѣлами Финляндіи должно быть представлено право законодательствовать и управляться какъ она знаетъ. Въ этихъ границахъ надо-бы дать полное удовлетвореніе національному самолюбію финновъ и. что важнѣе всего, вселить въ нихъ увѣренность въ томъ, что предѣлы автономіи Финляндіи не подвергнутся дальнѣйшему сокращенію.

При такомъ разрѣшеніи финлянлскаго вопроса мы уже теперь имѣли-бы на своей сторонѣ большинство финляндскаго сейма,—старофиновъ и народниковъ-соціалистовъ.

На противуположномъ отъ Финляндіи берегу Финскаго залива, на пути ведущемъ изъ морей и океановъ къ столицѣ Россійской Имперіи,—расположены наши инородческія Прибалтійскія губерніи.

Устроить столицу государства на берегу Финскаго залива Петръ Великій могъ только при условіи присоедине-

нія къ Россіи какъ части Финляндіи, такъ и остзейскаго края, что онъ и привелъ въ исполненіе безъ какихъ-бы то ни было въ отношеніи къ кому-либо обязательствъ и ограниченій.

Находясь теперь въ близкомъ разстояніи отъ столицы, гранича съ Петербургской и Псковской губерніями, омываемыя Балтійскимъ моремъ и глубоко врѣзываясь въ самый материкъ Россіи Рижскимъ заливомъ,—губерніи эти прилегаютъ вплотную къ Пруссіи. Отсюда само собою ясно, что миръ и добрососѣдскія отношенія между Россіей и Германіей будутъ тѣмъ болѣе обезпечены, чѣмъ менѣе эта инородческая окраина будетъ нѣмецкою.

Требованію этому вполнѣ удовлетворяетъ этнографическій составъ ея населенія: по переписи 1907 года въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ числилось, въ круглыхъ цифрахъ — безъ малаго 2 милліона латышей и эстовъ, 165 тысячъ нѣмцевъ и почти столько-же,—130 тысячъ русскихъ.

Такой составъ населенія—предопредѣляя свойственный Россіи демократизмъ національной политики на этой окраинѣ,—не даетъ никикого основанія считать нашъ прибалтійскій край въ этой мѣстности нѣмецкимъ. Нѣмецкимъ онъ сталъ и въ значительной мѣрѣ остается доселѣ исключительно вслѣдствіе сочувственнаго нѣмцамъ попустительства русской власти къ сохраненію нѣмцамъ собственности на землю по архаическому феодальному праву, а также, въ значительной еще мѣрѣ, мѣстной власти, свѣтской и духовной евангелическаго исповѣданія.

Русской національной и строго объединительной политики въ прибалтійскомъ краѣ держалась Екатерина Великая, напомнившая своимъ остзейскимъ единоплеменникамъ, что она «не герцогиня курляндская, а императрица всероссійская».

Въ послѣдующія царствованія, вплоть до Александра III,

на отношеніи русскихъ самодержцевъ къ остзейскому краю отражалась ихъ внѣшняя политика, которая можетъ быть очерчена общимъ терминомъ—политики нѣмецкаго кузинажа.

За все это время можно отмѣтить только одно распоряженіе русской имперской власти, повидимому, благопріятное коренному населенію прибалтійскаго края. Закономъ 1804 года, въ связи съ крестьянской реформой, совершавшейся въ сосѣдней Пруссіи, было признано въ остзейскомъ краѣ право крѣпостныхъ крестьянъ на владѣніе и пользованіе отведенными имъ землями, обложенными повинностями, а барщина была ограничена для каждаго работника двумя днями въ недѣлю. Законъ этотъ былъ вызванъ крайней суровостью отношеній мѣстныхъ нѣмецкихъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ: такъ, побѣгъ крѣпостнаго отъ его господина наказывали отсѣченіемъ ноги. Законъ 1804 года вызвалъ недовольство нѣмецкихъ дворянъ и привелъ ихъ къ мысли избавиться отъ всякихъ стѣсненій въ пользованіи рабочей силой простымъ путемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, безъ предоставленія имъ какихъ-либо правъ на землю. Въ этихъ условіяхъ и послѣдовало, между 1816 и 1819 годами, освобожденіе остзейскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которая съ избыткомъ восполнилась тѣмъ, что вплоть до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія нѣмецкіе дворяне обладали въ нашемъ эсто-латышскомъ краѣ всей полнотой правящей и судебной власти.

Приведу нѣсколько типичныхъ примѣровъ отношенія русской имперской власти къ національному вопросу въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ до реформы Александра III.

Въ царствованіе Николая Павловича, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ эсто-латышскомъ населеніи возникло стихійное движеніе къ переходу въ православіе, вызванное распространившимися между крестьянами слу-

хами, что этого желаетъ царь. Движеніе это было подавлено вооруженною силою съ большой жестокостью.

Императоръ Александръ II, во время пребыванія своего въ Ригѣ въ 1867 году, обращаясь къ мѣстному дворянству, сказалъ между прочимъ: «Вы, конечно оцѣните и примете какъ слѣдуетъ то, что я долженъ предпринять въ краѣ въ общихъ интересахъ Россіи». На это царь-преобразователь получилъ отъ представителя мѣстнаго нѣмецкаго дворянства фонъ Бока такую отповѣдь: «Счастливъ императоръ всероссійскій, что сыны Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи чтутъ въ немъ своего герцога,—иными словами законнаго и свободнаго отъ всякаго русскаго давленія оберегателя своихъ благопріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, обязавшагося передъ Богомъ и передъ людьми защищать ихъ данной ему властью».

Нѣмецъ фонъ Бокъ оказался правъ, — преобразованія Александра II нашихъ прибалтійскихъ губерній не коснулись.

Императоръ Александръ III, освободившись отъ нѣмецкихъ вліяній, впервые категорически разъяснилъ остзейскимъ нѣмцамъ, что балтійскія провинціи признаются имъ составной частью Россіи и что онъ всѣми силами стремится къ внутреннему объединенію ихъ съ Имперіей на почвѣ закона, а не привилегій.

И дѣйствительно, въ царствованіе Александра III совершенъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ рядъ реформъ въ духѣ національно-русской государственности и въ которыхъ латыши и эсты увидѣли зарю своего освобожденія отъ нѣмецкаго ига.

Преобразованія эти, въ духѣ русскихъ государственныхъ началъ и въ направленіи, благопріятномъ для полноправія мѣстнаго кореннаго населенія эстовъ и латышей, остаются теперь далеко не законченными.

Остается нетронутымъ краеугольный камень господства нѣмецкаго меньшинства среди эсто-латышскаго населенія

прибалтійскихъ губерній,—это существующія тамъ аграрныя отношенія, тѣ феодальныя путы, которыя искусственно удерживаютъ такъ называемыя «господскія» земли въ обладаніи ничтожнаго нѣмецкаго привиллегированнаго меньшинства, ставя на этой окраинѣ Россіи непреодолимую преграду для естественнаго роста землевладѣнія среди мѣстнаго кореннаго населенія, а также для проникновенія туда русскаго землевладѣнія, тогда какъ нѣмецкія дворянскія земли въ россійскихъ прибалтійскихъ губерніяхъ составляютъ бо́льшую и самую цѣнную половину всего земельнаго богатства края.

Земскими дѣлами въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ продолжаютъ распоряжаться органы дворянскаго землевладѣнія,—и на этой основѣ нѣмецкіе бароны предполагаютъ дать мѣстнымъ учрежденіямъ дальнѣйшее развитіе, а основную мелкую земскую единицу они желаютъ пріурочить къ церковно-приходскимъ лютеранскимъ конвентамъ.

Объясняется это тѣмъ, что балтійскіе нѣмцы безраздѣльно господствуютъ въ мѣстной евангелической лютеранской церкви. Господство это обезпечено имъ общеимперскимъ закономъ, соотвѣтствующими постановленіями тома XI свода законовъ Россійской Имперіи, предусмотрительно вводящихъ русскаго монарха въ схему вѣроисповѣдныхъ лютеранскихъ учрежденій, какъ ихъ верховнаго главу.

Самые жизненные интересы Россіи требуютъ завершенія начатой въ прошлое царствованіе реформы общественнаго строя и мѣстныхъ учрежденій нашихъ прибалтійскихъ губерній на свойственной русскому государству демократической, безсословной основѣ.

Южнѣе прибалтійскаго края лежатъ на западѣ Россіи губерніи, въ которыхъ численно преобладаютъ литовцы, бѣлоруссы и малороссы.

Чтобы освѣтить національный характеръ населенія этихъ губерній, полезно припомнить кое-что изъ исторіи этой западной окраины Россіи.

Начиная съ половины XIII столѣтія, а особенно въ XIV вѣкѣ литовскіе князья овладѣваютъ всей Бѣлой Русью, а также Волыніей, Подоліей, Кіевской, Черниговской и Сѣверской областями. Съ этого времени государи Литвы носятъ титулъ великихъ князей литовскихъ и русскихъ. Но распространивъ свое владычество на всѣ западныя русскія области, Литва стала могущественнымъ русскимъ государствомъ, причемъ названіе Литвы осталось лишь за незначительной частью литовскихъ владѣній. Законы писались не на литовскомъ, а на русскомъ языкѣ, преимущественно на его бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Со вступленіемъ, въ 1386 г., великаго князя литовскаго и русскаго Ягелло въ бракъ съ польской королевой Ядвигой польское и литовско-русское государства объединились на началахъ личной уніи, которую поляки обратили впослѣдствіи въ государственное политическое единеніе.

Люблинская унія 1569 г. и провозглашенная на Брестскомъ соборѣ унія римско-католической и греко-россійской церквей не имѣли, однако, своимъ послѣдствіемъ ни національнаго единенія, ни государственнаго сплоченія вошедшихъ въ составъ королевства польскаго народностей.

Вслѣдствіе крѣпкаго, непоколебимаго національнаго сознанія русскихъ народныхъ элементовъ польско-русско-литовской конфедераціи, измѣна своему русскому происхожденію послѣдовала только на общественныхъ верхахъ, среди людей, стремившихся къ пріобрѣтенію сословныхъ преимуществъ польской шляхты. Въ демократической-же толщѣ русскаго народа, вошедшей въ составъ польскаго государства, русское національное сознаніе осталось неприкосновеннымъ и, вопреки цѣлей, которыя преслѣдовала религіозная унія 1595 г., русскіе уніаты пронесли святыню своего

русскаго національнаго сознанія неприкосновенною сквозь длинный рядъ вѣковъ польскаго ига, вплоть до недавняго времени, когда въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ возобладалъ ложный, изувѣрный, націонализмъ въ связи съ политикой угнетенія «инаковѣрующихъ» и руссификаціи мѣрами полицейскаго воздѣйствія.

Послѣдствія этой политики, считавшей, между прочимъ, оскверненіемъ русскаго языка употребленіе его въ католическомъ богослуженіи, не замедлили сказаться уже во время народной переписи 1897 г.: когда крестьянъ уніатовъ Сѣдлецкой губерніи спрашивали о вѣрѣ, они отвѣчали: «польской», — о національности: «польской», — о родномъ языкѣ: «польскій».

Литовцы, въ національномъ смыслѣ, чуждые намъ инородцы, почти всѣ исповѣдаютъ католическую вѣру. Общее ихъ число, по переписи 1897 г., немного превышало полтора милліона душъ, изъ которыхъ болѣе милліона приходилось на Ковенскую губернію, а остальные распредѣляются между губерніями Виленской и Сувалкской почти поровну.

При численномъ ничтожествѣ поляковъ въ Литвѣ, причемъ значительную ихъ часть составляютъ помѣщики изъ потомковъ русскихъ ренегатовъ, они представляютъ тамъ общественную среду наиболѣе безпокойную, проводя здѣсь,— также какъ и въ Бѣлоруссіи, гдѣ относительное число ихъ еще менѣе, а масса населенія принадлежитъ къ господствующему русскому племени,—идею польскаго націонализма съ упорствомъ людей, страдающихъ однопредметнымъ помѣшательствомъ. Кичась своимъ благопріобрѣтеннымъ аристократизмомъ, они не безуспѣшно стремятся къ единенію съ союзомъ русскаго объединеннаго дворянства и другими ретроградными русскими общественными и политическими организаціями.

При всемъ абсолютно ничтожномъ числѣ поляковъ въ

Литвѣ, они тамъ, какъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, составляютъ большинство крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, чѣмъ обусловливается экономическая зависимость отъ нихъ всего мѣстнаго сельскаго населенія.

Кромѣ того, русское правительство безпрекословно допускало, да и теперь терпитъ, чтобы большинство католическаго духовенства въ Литвѣ состояло изъ поляковъ, чѣмъ вызывается духовная отъ поляковъ зависимость глубоко религіозныхъ литвиновъ.

Этимъ вліяніемъ поляки пользуются для непрерывной и настойчивой анти-русской національной пропаганды, которая здѣсь и въ Бѣлоруссіи не можетъ быть терпима. Обороняться отъ этого наступательнаго націонализма поляковъ—священный долгъ русскаго народа. Эта антирусская пропаганда, за этнографическими предѣлами Царства Польскаго, вноситъ смуту въ духовный міръ и національное самосознаніе народныхъ массъ, усложняетъ задачи управленія и ставитъ препятствія для цѣлесообразнаго устройства мѣстныхъ учрежденій.

Чтобы быть, однако, въ этой оборонительной національной политикѣ справедливымъ и послѣдовательнымъ, надо начать съ предоставленія Царству Польскому, въ его этнографическихъ предѣлахъ, а покуда и въ нераздѣльномъ единеніи съ Россіей, — широкой національной и политической автономіи.

Какъ вездѣ и во всемъ, въ Россіи самоуправленіе Литвы должно быть построено на строго демократической основѣ.

Къ литовскому мѣстному націонализму слѣдуетъ относиться доброжелательно: въ средѣ мелкихъ народностей онъ не опасенъ, такъ какъ поприще его примѣненія весьма ограничено и инородческая ихъ интеллигенція легко усваиваетъ культуру и пріобщается государственнымъ интересамъ господствующаго народа. Къ тому же литовцы, въ противоположность полякамъ, которые въ политикѣ

большіе забіяки,—по самой своей природѣ не способны злоупотреблять мѣрами, направленными къ сохраненію ихъ племенной самобытности.

Мы видѣли, что литовцы, овладѣвъ западными русскими областями и занявъ властное положеніе въ Польшѣ, покорно и безропотно подчинялись государственной власти Россіи и Польши.

По опредѣленію Элизэ Реклю, литвины народъ замѣчательно добродушный. «Поэзія литовцевъ»,—пишетъ онъ,—печальна, какъ поэзія умирающаго народа. Если бы относительное достоинство данной націи въ общечеловѣческой средѣ измѣрялось красотой ея языка, то самогитовъ и литвиновъ слѣдовало бы поставить на первое мѣсто между народами Европы, но обитатели принѣманскихъ лѣсовъ, испытавшіе продолжительное угнетеніе, не могутъ сравнивать свою долю вліянія съ тою, которую оказали на общечеловѣческое развитіе другіе народы континента... Это объясняется тѣмъ, что этому маленькому народу не доставало довѣрія къ собственнымъ силамъ»...

Въ польскомъ возстаніи литовцы не принимали участія,—они остались вѣрными Россіи.

Посмотримъ теперь, какъ относилось къ литовцамъ, въ эпоху реакціи, русское правительство,—причемъ существенной перемѣны въ этомъ отношеніи не послѣдовало и послѣ освободительнаго движенія 1904—1906 годовъ.

Литовцы превыше всего дорожатъ своимъ языкомъ и глубоко вѣрующіе католики.

Что касается литовскаго языка,—по опредѣленію Элизэ Реклю—красивѣйшаго изъ языковъ Европы, то съ давнихъ временъ литовцы усвоили себѣ латинскій алфавитъ и считаютъ его, понятно, нераздѣльною принадлежностью своего родного языка. Русскія власти надумались замѣнить для литовскаго языка латинскій алфавитъ русскимъ, на литовскій алфавитъ объявлено было гоненіе. Такъ

какъ католическое духовенство рѣшительно запретило литовцамъ пользоваться книгами, отпечатанными русскимъ шрифтомъ, какъ еритическими, а получать литовскія книги изъ Пруссіи они могли только контрабаднымъ путемъ, то распоряженіе русскаго правительства поставило литовцевъ въ необходимость пользоваться польскими молитвенниками и календарями.

Столь же успѣшною оказывается національная политика нашего правительства и въ другихъ ея отношеніяхъ къ католической церкви. Несмотря на то, что внѣ предѣловъ Царства Польскаго поляки въ средѣ католическаго населенія Имперіи составляютъ незначительное меньшинство (10%), правительство допускаетъ назначеніе въ Литвѣ, а также въ Бѣлоруссіи исключительно поляковъ на епископскія кафедры; оно содержитъ въ С.-Петербургѣ польскую римско-католическую академію, оно допускаетъ въ Литвѣ, а также въ Бѣлоруссіи, болѣе чѣмъ на половину, польскій составъ католическаго духовенства; наконецъ, до недавняго времени правительство наше оказывало римско-католическому духовенству, въ его анти-русской національной пропагандѣ, могучее содѣйствіе цѣлымъ рядомъ придирчивыхъ мѣръ и распоряженій, направленныхъ противъ свободнаго исповѣданія католической вѣры среди фанатически преданнаго ему литовскаго и бѣлорусскаго населенія.

Съ другой стороны, правительство допускаетъ преподаваніе Закона Божія въ части литовскихъ и во всѣхъ бѣлорусскихъ школахъ на польскомъ языкѣ, вопреки высочайщему указу 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости, 14 пунктъ котораго постановляетъ, что во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божія должно происходить на природномъ языкѣ учащихся. Такимъ образомъ, правительство допускаетъ ополяченіе не только литовцевъ, но и бѣлоруссовъ, коренныхъ русскихъ людей, считая ихъ, повидимому, какъ католиковъ, поляками.

Такая политика не только окрылила польскій націонализмъ въ западной Россіи, но польская національная идея усвоена уже частью ксендзовъ литовской и русской національности, пропитанныхъ польско-католическимъ фанатизмомъ въ польскихъ семинаріяхъ и духовной академіи,— бѣлоруссами болѣе чѣмъ литовцами, среди которыхъ уже создалась интеллигенція, относящаяся къ національному вопросу вполнѣ сознательно.

Не преслѣдованіемъ отдѣльныхъ лицъ, не стѣсненіемъ свободы по полицейскимъ «правиламъ охраны» можно бороться съ анти-русской пропагандой въ русскихъ западныхъ губерніяхъ и въ Литвѣ. Подсѣчь здѣсь польское вліяніе въ самомъ его корнѣ слѣдуетъ,—при совмѣстномъ предоставленіи Царству Польскому самой широкой автономіи въ его этнографическихъ предѣлахъ,— мѣрами, направленными къ низведенію значенія поляковъ среди бѣлоруссовъ и литовцевъ къ размѣрамъ, соотвѣтствующимъ ихъ численности,—къ располяченію и національзаціи мѣстнаго католическаго населенія.

Для достиженія этихъ цѣлей наша внутренняя политика и здѣсь,—въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ,— должна быть строго демократическою, а внѣшняя политика стойкою и рѣшительною вплоть до разрыва сношеній съ папскимъ престоломъ.

Всѣ приведенныя здѣсь основы справедливой и полезной національной оборонительной политики на западныхъ окраинахъ Россіи еще въ большей степени относятся къ малороссамъ.

Простонародная рѣчь малороссовъ не есть народный языкъ, а нарѣчіе, которое съ языкомъ великоруссовъ и бѣлоруссовъ объединилъ единый русскій литературный языкъ. На этомъ языкѣ писали и пишутъ всѣ ученые и художники слова малороссійскаго происхожденія и во главѣ по-

слѣднихъ великій хохолъ—Гоголь. Исключеніе составляетъ Шевченко, который, какъ простолюдинъ, вольноотпущенный крестьянинъ, естественно писалъ свои стихи на простонародномъ нарѣчіи.

Племенное и политическое обособленіе малороссовъ не соотвѣтствуетъ ихъ національному міросозерцанію, и малорусскій крестьянинъ, даже за предѣлами нашего государства, хотя и отличаетъ себя отъ «кацапа», но считаетъ себя русскимъ. Всѣ три отрасли русскаго народа всегда сознавали и теперь сознаютъ свое національное единство и украинскимъ сепаратизмомъ увлекается теперь только незначительная часть интеллигенціи хохлатскаго происхожденія, — тѣмъ не менѣе, значеніе украйнофильства для Россіи нельзя отвергать. Оно несомнѣнно представляетъ изъ себя болѣзненное явленіе въ общественной жизни русскаго народа, одно изъ послѣдствій его политической и культурной отсталости. Надо думать поэтому, что украинскій сепаратизмъ части русскихъ малороссовъ явленіе преходящее и исчезнетъ онъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ глубже на русской почвѣ укоренятся живительныя начала личной свободы и политическаго полноправія.

Украинскій сепаратизмъ имѣетъ несравненно большее значеніе въ сферѣ нашей внѣшней политики и мѣру соотвѣтствія національной автономіи Малороссіи государственнымъ интересамъ Россіи даетъ отношеніе къ этому вопросу Австро-Венгріи, государства намъ естественно враждебнаго, а потому всемѣрно содѣйствующаго отщепенству малороссовъ отъ кореннаго ствола русскаго народа. Въ Австріи былъ, при всяческомъ содѣйствіи правительства, сочиненъ и особый уродливый украинскій языкъ, котораго не понимаютъ истые малороссы ни въ Австріи, ни въ Россіи.

Украйнофильство должно бы быть низведено въ Россіи до того положенія, которое провансальская идиллія зани-

маетъ во Франціи. Оно, по всей вѣроятности, и получило бы у насъ такое значеніе, если бы дореформенное правительство не раздуло его до значенія національнаго отщепенства своими запретительными мѣрами относительно малороссійскаго простонароднаго говора, употребленія его въ литературѣ и театрѣ.

Инородцы въ Россіи,—за исключеніемъ евреевъ,—всегда пользовались на всемъ пространствѣ имперіи неограниченнымъ равноправіемъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Безсознательно демократическая въ этомъ отношеніи политика славянской Россіи оказалась, безъ предумышленія, гуманнѣе отношенія къ инородцамъ въ другихъ странахъ христіанской культуры,—напримѣръ, Великобританіи къ аборигенамъ Индіи, или Сѣверо-Американскихъ Соединеннымъ Штатовъ къ мѣстному негритянскому населенію.

Въ Россіи равноправіемъ съ кореннымъ населеніемъ пользуются люди всякаго національнаго происхожденія,—даже дикари. Для всѣхъ россійскихъ инородцевъ безъ всякихъ правовыхъ ограниченій открыты всѣ поприща дѣятельности и также доступны всѣ сословныя и иныя преимущества при условіи полученія извѣстнаго образованія. Благодаря этому, сколько чисто русскихъ людей на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, даровитыхъ патріотовъ въ благородномъ значеніи этого слова, носятъ инородческія прозвища, свидѣтельствующія о ихъ нерусскомъ происхожденіи. Этому прирожденному демократизму мы обязаны тѣмъ, что инородческая интеллигенція Бессарабіи и Кавказа вполнѣ обрусѣла. Кавказскіе горцы дали намъ мудрыхъ правителей и геніальныхъ полководцевъ.

Во время освободительнаго движенія 1904—1905 годовъ обнаружилось среди кавказскихъ инородцевъ движеніе въ сторону политическаго обособленія на національной основѣ, но оно только отчасти можетъ быть приписано преходя-

щему революціонному психозу, а вызвано оно было главнымъ образомъ предшествовавшей этому движенію лженаціоналистической политикой правительства.

Проводникомъ этой политики на Кавказѣ сталъ тогдашній начальникъ края, князь Голицынъ, который со своей руссификаторской политикой обрушился главнымъ образомъ на армянъ.

Армяне—аборигены страны (Гайяединъ), отличающейся крайней неопредѣленностью въ географическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ,—страны, съ каждымъ столѣтіемъ мѣнявшей свои границы послѣ того отдаленнаго времени, когда, потерявъ свою независимость, армяне разбрелись по всему востоку.

По мѣрѣ того какъ Кавказъ переходилъ частями во власть Россіи, число армянъ въ немъ увеличивалось,—они приходили на смѣну выселявшимся въ Турцію мусульманамъ, причемъ ко времени переписи 1897 г. установилось такое соотношеніе армянъ къ остальному населенію Кавказа, при которомъ на 10 милліоновъ душъ кавказскаго населенія, говорящаго на 32-хъ языкахъ, приходилось 1.130 тысячъ армянъ, при 3.200 т. магометанъ и 2.400 т. русскихъ.

При такомъ численномъ и этнографически пестромъ составѣ населенія Кавказа о какой-либо политической и національной его автономіи не можетъ быть и рѣчи.

Вообще не глупые отъ природы армяне это прекрасно понимали. Со времени присоединенія Закавказья къ Россіи и до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ широкихъ кругахъ армянскаго населенія не только не обнаруживалось никакихъ сепаратическихъ тенденцій, но замѣтно было явное стремленіе къ ассимиляціи съ русскимъ интеллигентнымъ обществомъ.

Болѣе образованные и состоятельные армяне стали мѣнять свои фамильныя прозвища на русскія или измѣ-

нять на русскій ладъ окончаніе своихъ фамилій. При томъ значеніи, которое имѣла на Кавказѣ военная профессія, даровитый армянскій народъ далъ намъ такихъ военачальниковъ, какъ: Аргутинскій-Долгоруковъ, Лорисъ-Меликовъ, Лазаревъ, Мадатовъ, Бебутовъ, Шелковниковъ, Тергукасовъ. Армяне выдвигались своимъ талантомъ и на поприщѣ гражданской и литературной дѣятельности, причемъ ихъ пламенный націонализмъ, особенно въ дѣлахъ вѣры, прекрасно уживался съ горячимъ русскимъ патріотизмомъ. Для примѣра, укажу на Джаншіева, даровитаго исторіографа реформъ Александра II.

Пошатнула этотъ имперскій патріотизмъ русскихъ армянъ возобладавшая у насъ въ восьмидесятыхъ и послѣдующихъ годахъ прошлаго столѣтія реакція, однимъ изъ элементовъ которой былъ и отвлеченный русскій націонализмъ, проявлявшійся въ грубыхъ пріемахъ неумѣлой руссификаціи.

Армянъ поразили въ самомъ источникѣ всякаго духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія. Закрыты были армянскія школы, содержавшіяся на цѣлыми поколѣніями собранные армянами капиталы, и обращены были въ казенное вѣдѣніе церковныя имущества армяно-грегоріанской церкви, вопреки закона (статья 1233 тома XI Свода Законовъ), признающаго имущества эти принадлежностью не однихъ русскихъ армянъ, а всей армяно-грегоріанской церкви, въ составъ которой входятъ и армяне Турціи и Персіи. Внѣ законнаго порядка канцелярію Эчміадзинскаго Синода подчинили синодскому прокурору, безъ разрѣшенія котораго запрещено было давать католикосу даже справки по дѣламъ. Кромѣ передачи школъ и церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе русскихъ чиновниковъ, закрыты были армянскія благотворительныя общества, библіотеки, читальни и издательскія общества. Цензурныя условія вызвали прекращеніе многихъ армянскихъ періодическихъ изданій.

Теперь, когда все это стало достояніемъ исторіи, позволительно спросить, на комъ лежитъ вина возникновенія въ Турціи армянскихъ политическихъ организацій «Дашнакцютунъ» и «Гитакистовъ», примкнувшихъ къ русской революціи, первая въ рядахъ нашихъ соціалъ-революціонеровъ, а вторая въ составѣ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.

IV.

Послѣ освободительнаго движенія 1904—1906 годовъ равноправіе всѣхъ гражданъ русскаго государства, независимо отъ ихъ племеннаго происхожденія, обезпечено какъ отсутствіемъ у насъ какихъ-либо по этому предмету ограничительныхъ законовъ, такъ и большей закономѣрностью дѣйствій исполнительной власти въ условіяхъ представительнаго строя законодательныхъ учрежденій, — за однимъ, однако, исключеніемъ—для евреевъ.

Съ точки зрѣнія политической этики еврейскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ Россіи, также какъ и въ другихъ культурныхъ странахъ міра, только въ смыслѣ ихъ полнаго равноправія съ другими гражданами государства. Неравноправіе евреевъ также мало соотвѣтствуетъ абсолютной справедливости, какъ рабство и сословныя привиллегіи.

Попробуемъ, однако, разобраться въ нашемъ еврейскомъ вопросѣ, не выходя изъ предѣловъ практически полезной для Россіи внутренней и внѣшней политики.

Россія представляетъ изъ себя страну съ мало развитою, отсталою національною промышленностью, причемъ весьма слабое участіе принимаютъ русскіе люди и въ міровомъ торговомъ обмѣнѣ, создающемъ богатство какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всей страны. Участвуютъ они въ немъ преимущественно вывозомъ сырыхъ, необработанныхъ, относительно дешевыхъ предметовъ.

Причины этого многоразличны, но имѣютъ общимъ основаніемъ нашу всестороннюю отсталость. Едва ли въ

этомъ отношеніи не преобладающее значеніе имѣетъ отсталость наша въ неблагопріятно сложившихся и искусственно поддерживаемыхъ соціальныхъ формахъ нашего государственнаго общежитія, вызывающихъ, съ одной стороны, приниженное, обособленное и въ значительной степени безправное положеніе крестьянскихъ массъ, не выдѣляющихъ, при мало производительныхъ способахъ землепользованія, достаточнаго числа своихъ представителей въ среду промышленниковъ и торговцевъ, а съ другой стороны, извращенное значеніе, которое получила у насъ отжившая свой вѣкъ петровская табель о рангахъ, продолжающая теперь, безъ всякой надобности, плодить въ огромномъ числѣ чиновное дворянство, принижающее соціальное положеніе промышленныхъ классовъ населенія.

Въ этихъ условіяхъ, прирожденная евреямъ предпріимчивость въ сферѣ промышленности и торговли въ значительной степени восполняетъ численное и денежное, конечно относительное, убожество чисто русскихъ людей въ этихъ областяхъ общественной дѣятельности. Вредно стѣснять промышленную иниціативу русскихъ инородцевъ, когда масса кореннаго русскаго населенія еще не вышла изъ той инерціи, въ которой ее удерживали наши отсталые государственные и общественные порядки. Ограничительныя мѣры, стѣсняющія промышленную предпріимчивость русскихъ евреевъ, поражаютъ Россію въ самыхъ источникахъ ея матеріальнаго благосостоянія, обращая ее въ поприще наживы для иностранцевъ. Между тѣмъ, все что заработалъ бы русскій еврей, стало бы частью русскаго національнаго богатства, причемъ, въ виду прирожденныхъ евреямъ свойствъ, заработокъ евреевъ не былъ бы зря растраченъ, онъ не залежался бы и въ несгораемомъ шкафу, а былъ бы пущенъ въ оборотъ отечественной промышленности и торговли, послужилъ бы новому приращенію народнаго капитала. Поученіемъ намъ должны бы служить

государства Западной Европы и Соединенные Штаты Сѣверной Америки, сказочныя богатства которыхъ въ значительной мѣрѣ обязаны ничѣмъ не стѣсненной промышленной предпріимчивости мѣстныхъ гражданъ еврейскаго происхожденія.

Въ этомъ отношеніи полезно помнить примѣръ когда-то могущественной и богатой Испаніи, которая стала нищать послѣ изгнанія изъ нея евреевъ не только потому, что они вывезли съ собой все накопленное ими золото, а вслѣдствіе упадка въ странѣ создающей богатство промышленной энергіи. Во славу непродуманнаго и непрочувствованнаго ученія Христа выслали евреевъ, а потомки испанскихъ грандовъ обратились послѣ этого въ гидальго, протягивающихъ у папертей католическихъ церквей руку за подаяніемъ.

Да и въ Россіи ненавистническое отношеніе къ евреямъ относительно недавняго происхожденія. Такъ умные правители Новороссіи, начиная съ графа Ришелье и смѣнившаго его князя Воронцова, были чужды современнаго русскаго враждебнаго евреямъ лженаціонализма. Они считали евреевъ полезнымъ элементомъ для насажденія въ краѣ промышленности, торговли и созданія городскихъ поселеній. Еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка можно было видѣть опубликованными на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ Новороссійскаго края правила, при соблюденіи которыхъ евреи приглашались селиться въ сельскихъ мѣстностяхъ, предназначенныхъ для образованія мѣстечекъ, часть которыхъ обращалась затѣмъ въ города. Эта просвѣщенная политика имѣла своимъ послѣдствіемъ, что русскіе евреи выжили изъ Новороссіи итальянцевъ и грековъ, а ихъ иниціатива открыла въ этомъ краѣ пути для промышленной предпріимчивости и коренному русскому населенію.

Въ противуположность послѣдовавшему въ недавнее время изгнанію евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей, въ

царствованіе Николая I не щадили средствъ, чтобы обратить евреевъ въ сельскихъ обывателей, поощрять ихъ къ занятію сельскимъ хозяйствомъ. Власти сочувственно относились также къ руссификаціи евреевъ путемъ усвоенія ими русскихъ именъ и прозвищъ и не препятствовали проникновенію ихъ въ армію въ офицерскомъ званіи въ первое послѣ введенія общеобязательной воинской повинности время, когда, при согласіи на то общества офицеровъ, это допускалъ ихъ образовательный цензъ.

Во всякомъ случаѣ, вредно стѣснять промышленную иниціативу россійскихъ инородцевъ, пока масса русскаго коренного населенія не вышла изъ той инерціи, въ которой ее удерживали наши государственные и общественные порядки. Въ настоящее время сугубаго евреененавистничества въ Россіи стоитъ пройтись по главнымъ улицамъ Петербурга, чтобы, по вывѣскамъ торговыхъ помѣщеній, убѣдиться въ томъ, что черта еврейской осѣдлости и ограниченія правъ евреевъ по торговлѣ служатъ на пользу не русскимъ людямъ, а всякимъ иностранцамъ и инородцамъ.

Промышленная энергія нашихъ евреевъ несомнѣнно содѣйствуютъ наростанію народнаго богатства, а въ отрицательныхъ свойствахъ ихъ дѣятельности нельзя не видѣть естественныхъ послѣдствій преслѣдованія, обиднаго ограниченія правъ, созданнаго для нихъ положенія илотовъ.

Вредныя послѣдствія ограниченія правъ евреевъ въ Россіи многочисленны и очевидны, обнаруживая свои вредныя вліянія на всей экономикѣ страны.

Сплоченность разсѣянныхъ во всемъ культурномъ мірѣ евреевъ создаетъ силу, съ которой нельзя не считаться, тѣмъ болѣе что невыгодная въ извѣстныхъ случаяхъ и для отдѣльныхъ лицъ солидарность эта составляетъ несомнѣнный плюсъ въ наростаніи народнаго богатства странъ, въ которыхъ евреи осѣли. Въ этомъ отношеніи къ справедливому разрѣшенію еврейскаго вопроса въ нашей земле-

дѣльческой странѣ должно бы побуждать и то соображеніе, что евреи никогда не станутъ въ Россіи конкурентами въ господствующей у насъ земледѣльческой промышленности, такъ какъ съ библейскихъ временъ и до сего времени они землеробами никогда не были; только поэтому оторванный отъ родной почвы еврейскій народъ лишился отечества и разсѣялся по всему лицу земли, обнаруживъ повсюду, въ христіанскихъ и мусульманскихъ странахъ, полезную предпріимчивость въ промышленной сферѣ.

Это доказываетъ тщету всякихъ ограниченій, направленныхъ къ воспрещенію евреямъ селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ и объясняетъ неудачу принятыхъ въ прежнее время мѣръ, поощрявшихъ переходъ евреевъ въ сельское состояніе,—а разительнымъ доказательствомъ пользы еврейскаго равноправія могутъ служить наши евреи-караимы, не подвергающеяся у насъ никакимъ правоограниченіямъ безъ нарушенія ими чьихъ либо правъ или интересовъ.

Когда исчезнутъ, мало по малу, послѣдніе слѣды бездарной политики реакціи, державшей большую часть русскаго народа, его сельское населеніе, въ тискахъ искусственно созданнаго чиновно-сословнаго строя, при архаическихъ порядкахъ землепользованія,—свободный русскій человѣкъ самъ пробьетъ себѣ пути къ лежащимъ втунѣ источникамъ обогащенія. Добьются этого широкіе круги русскаго сельскаго населенія, однако, еще не скоро. Ихъ экономическое безсиліе, какъ послѣдствіе запоздалаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости, а также смѣнившихъ ее кабалы сельскаго податнаго общества и чиновничьей опеки, еще долго заставитъ насъ мириться съ преобладающимъ значеніемъ инородцевъ и иностранцевъ на поприщѣ нашей отечественной промышленности и торговли. Поэтому самыя элементарныя требованія здравой національной экономической политики должны бы побуждать отдать въ этихъ условіяхъ предпочтеніе русскимъ евреямъ, преумножающимъ

русское народное богатство, передъ иностранцами, эксплуатирующими природныя богатства Россіи въ интересахъ чуждыхъ намъ странъ.

Нѣкоторыя ограниченія правъ евреевъ въ нашемъ отечествѣ противорѣчатъ не только политической этикѣ, но и простому здравому смыслу, свидѣтельствуя лишь о злобномъ человѣконенавистничествѣ нашихъ юдофобовъ. Они отстаиваютъ, напримѣръ, сохраненіе для еврейской бѣдноты черты осѣдлости, уже открытой для еврейской интеллигенціи, купцовъ и ремесленниковъ, и препятствуютъ этимъ распыленію 7-ми милліоновъ русскихъ евреевъ среди 150 милліоновъ населенія европейской и азіатской Россіи.

Ограниченіе правъ евреевъ вызываетъ и для кореннаго русскаго населенія такія стѣсненія, которыхъ уже давно не знаетъ остальное человѣчество. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить только въ Россіи сохранившіеся законы объ обязательныхъ паспортахъ. Крайне стѣснительные для честныхъ и благонамѣренныхъ людей, они представляютъ самое дѣйствительное средство для укрывательства преступленій, — дѣйствительное и дешевое, такъ какъ фальшивый паспортъ у насъ стоитъ, въ особенности для сельскаго населенія, дешевле настоящаго. Существованіе въ Россіи обязательныхъ паспортовъ, вызываемое опасеніемъ какъ бы лишній еврей не проникъ въ предѣлы нашей безграничной имперіи, даетъ поводъ къ распространенію между иностранцами самыхъ невѣроятныхъ слуховъ о существующихъ у насъ полицейскихъ порядкахъ, доходящихъ до утвержденія, что на русской границѣ бывали случаи освидѣтельствованія пассажировъ для удостовѣренія въ томъ, не принадлежатъ ли они къ обрѣзанному племени. Какъ эти слухи ни нелѣпы, они имѣютъ, однако, реальное значеніе, отражаясь, напримѣръ, на доходности Сибирской желѣзной дороги, которая могла бы быть одной изъ самыхъ доходныхъ въ мірѣ, давая для дѣловыхъ людей Европы,

въ среднемъ, по отношенію къ пароходному сообщенію съ дальнимъ востокомъ, драгоцѣнное для нихъ сокращеніе путеваго времени на три недѣли.

Не ограниченіемъ правъ евреевъ, при ненавистническомъ къ нимъ отношеніи, должны русскіе люди бороться съ евреями на открытомъ для всѣхъ поприщѣ промышленности и торговли. Евреевъ у насъ отъ этого не убудетъ, а только усилится ихъ дѣятельная энергія и изощрятся способы обхода ограничивающихъ ихъ права несправедливыхъ законовъ.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ теперь авторитетное свидѣтельство съѣхавшагося въ этомъ году на нижегородскую ярмарку русскаго купечества, признавшаго, что ограниченіе правъ евреевъ на повсемѣстное жительство и другія ихъ стѣсненія наносятъ русской торговлѣ существенный ущербъ, причемъ представители русскихъ торговыхъ фирмъ, «имѣя въ виду исключительно интересы... отечественной торговли и промышленности», просятъ объ ихъ отмѣнѣ, свидѣтельствуя, что полезная роль евреевъ въ движеніи отечественной торговли и въ сбытѣ за границу продуктовъ не только крупной промышленности, но и кустарной общеизвѣстна.

Спрашивается послѣ этого, кому же собственно нужны только въ Россіи существующія ограниченія правъ евреевъ, доводимыя, въ практическомъ примѣненіи ихъ чиновниками, до настоящаго преслѣдованія? Вредныя-же ихъ послѣдствія очевидны: они создаютъ Россіи среди русскихъ гражданъ еврейскаго происхожденія внутреннихъ враговъ и, увеличивая кадры недовольныхъ, толкаютъ еврейскую молодежь въ революціонныя организаціи; они содѣйствуютъ эмиграціи состоятельныхъ евреевъ, увозящихъ изъ Россіи нажитые ими капиталы. Въ извѣстной мѣрѣ ограниченіе правъ русскихъ и иностранныхъ евреевъ въ Россіи вредно отражается и на нашей внѣшней политикѣ. Это доказало не-

давнее столкновеніе наше съ прежде дружественными намъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Послѣдствія этого столкновенія съ американцами не замедлили обнаружиться: въ настоящій переживаемый Россіей и славянскимъ міромъ историческій кризисъ Австро-Венгрія не нашла въ Европѣ денежныхъ средствъ для приведенія своихъ воинскихъ силъ въ положеніе, угрожающее намъ и государствамъ болканскаго союза войной, но средства эти были ей предупредительно доставлены американскими банкирами.

Отношенію нашему къ евреямъ надо приписать и существованіе во Франціи и Великобританіи общественныхъ круговъ, намъ враждебныхъ и склонныхъ къ соглашенію съ Германіей.

БИБЛІОТЕКА
ВОЕННО-ХИМИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

V.

За предѣлами здраваго, благороднаго и полезнаго націонализма какъ общее достояніе всѣхъ культурныхъ народовъ лежатъ, наконецъ, вѣротерпимость и отдѣленіе церкви отъ государства, какъ ея логическое послѣдствіе.

До весьма недавняго времени отсутствіе вѣротерпимости,—въ особенности къ отщепенцамъ отъ господствующей и состоящей въ вѣдѣніи и подчиненіи свѣтскаго правительства синодальной православной церкви,—составляло одно изъ самыхъ печальныхъ проявленій русскаго лженаціонализма.

Не только раскольники, «инако вѣрующіе», подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ, но многочисленныя вѣроисповѣдныя стѣсненія существовали и для единовѣрныхъ православію старообрядцевъ. Существующей вѣроисповѣдной терпимостью Россія обязана всецѣло освободительному движенію 1904—1906 годовъ. Тогда въ этомъ направленіи послѣдовали, одинъ за другимъ, высочайшіе указы 12 декабря 1904 г., 17 апрѣля и 25 Іюня 1905 гг.

Отрадно отмѣтить, что начала вѣротерпимости встрѣтили въ то время сочувствіе и просвѣщенную поддержку въ широкихъ кругахъ православнаго духовенства. Припомнимъ по этому поводу, что, возражая «Московскимъ Вѣдомостямъ», выражавшимъ мнѣніе людей, домогавшихся того, чтобы помѣщикъ и сельскій священникъ составили вдвоемъ попечительную надъ крестьянами власть,—«Церковный Вѣст-

никъ» тогда писалъ: «Подлинно одно роковое недоразумѣніе—это сближеніе служителей религіи свѣта и любви къ меньшему брату съ этими интеллигентами, изъ которыхъ еще не успѣлъ вывѣтриться духъ крѣпостничества,—и какъ обидно читать ссылки ихъ при изложеніи своихъ взглядовъ на свидѣтельство сельскаго духовенства, какъ на доказательство своей правоты»...

Изданіе вызванныхъ освободительнымъ движеніемъ законовъ о вѣротерпимости было большимъ шагомъ впередъ на историческомъ пути пріобщеніи Россіи христіанской культурѣ, если въ христіанствѣ отличать евангелькое ученіе Христа,—божественное и вѣчное,—отъ всего человѣчески вѣроисповѣднаго и преходящаго. На этомъ-же пути вѣроисповѣднаго приближенія христіанства къ мудрости и чистотѣ божественныхъ завѣтовъ Христа находится и отдѣленіе церкви отъ государства, предуказанное въ Христовой заповѣди,—отличать «божіе» отъ «кесарева».

Отдѣленіе церкви отъ государства въ Россіи соотвѣтствуетъ и требованіямъ здраваго національнизма, такъ какъ оно имѣетъ глубокіе корни въ историческомъ прошломъ русскаго государства. Со времени принятія русскимъ народомъ христіанства и до реформы Петра Великаго отдѣленіе церкви отъ государства, при ихъ дружномъ взаимодѣйствіи, лежало въ основѣ государственнаго и общественнаго быта Россіи.

Петръ былъ вынужденъ взять церковь подъ свое начало, имѣя серьезныя основанія ожидать съ ея стороны противодѣйствія предпринятымъ имъ просвѣтительнымъ реформамъ. Теперь мы присутствуемъ при обратномъ отношеніи правительства и общества къ вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Всѣ сторонники давно назрѣвшихъ преобразованій нашего государственнаго и общественаго строя на живительныхъ началахъ свободы, равноправія и разумнаго народовластія вполнѣ сознаютъ необходимость

высвободить православную церковь изъ подъ паутины оберъ-прокурорскаго и консисторскаго канцеляризма, вернуть ее въ лоно христіанскаго православія въ качествѣ соборной и автономной церкви, ясно сознавая, что только тогда она найдетъ, въ живительныхъ началахъ ученія Христа, внутреннюю силу, необходимую для удовлетворенія духовныхъ потребностей русскаго народа, его жажду вѣры и ея сознательнаго исповѣданія.

Отдѣленіе церкви отъ государства само по себѣ, не требуетъ устраненія духовенства отъ участія въ законодательствѣ страны. Со свѣтской точки зрѣнія нѣтъ рѣшительно никакого основанія лишать духовныхъ лицъ какого-бы то ни было исповѣданія принадлежащихъ имъ по общему для всѣхъ закону избирательныхъ правъ, какъ пассивныхъ; такъ и активныхъ. Это уже дѣло самихъ служителей алтаря и монаховъ рѣшать, насколько участіе въ законодательствѣ страны, неизбѣжно вызывающее партійную борьбу въ избирательныхъ собраніяхъ и парламентѣ соотвѣтствуетъ принятымъ ими духовнымъ обѣтамъ и обязательному іерархическому послушанію,—но живительному принципу отдѣленія церкви отъ государства безусловно противорѣчитъ представленіе духовнымъ лицамъ какихъ бы то ни было исповѣданій, какъ таковымъ, особливыхъ избирательныхъ правъ.

Таковы, по мнѣнію моему, основы этически благороднаго и практически полезнаго русскаго національнализма.

Польза и достоинство Россіи требуютъ того, чтобы населяющіе ее инородцы, всѣ безъ исключенія, гордились званіемъ гражданъ русскаго государства,—и нельзя признать ни справедливою, ни искусною политику, которая создаетъ Россіи внутреннихъ враговъ изъ вошедшихъ въ ея составъ инородцевъ.

Солидарность всего культурнаго міра относительно такихъ основъ современнаго государственнаго общежитія, какъ демократизмъ и равноправіе,—представляетъ изъ себя огромную нравственную силу, и Россія должна стоять на уровнѣ этихъ понятій, чтобы въ должной мѣрѣ воспользоваться плодами этой солидарности.

Обуявшій теперь широкіе круги русскаго общества лженаціонализмъ, не имѣющій ничего общаго съ патріотизмомъ, благороднымъ культомъ отечества, есть, несомнѣнно, явленіе патологическое, послѣдствіе общественной недоразвитости.

Противополагая въ этомъ психозѣ нашу отсталость, какъ національную особенность, западной культурѣ, мы наживаемъ себѣ и внутреннихъ враговъ (поляки, финны, армяне, евреи) и враговъ внѣшнихъ,—послѣднихъ даже въ средѣ нашихъ естественныхъ союзниковъ,—все это къ явному ущербу для успѣшнаго и своевременнаго разрѣшенія міровыхъ задачъ, предстоящихъ Россіи, какъ великой державѣ.